

ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

В.А. КОЛПАКОВ

Экономической науке присущ ряд отличительных особенностей, которые всегда привлекали внимание методологов науки. На современном этапе развития экономической науки, и особенно в связи с изменением роли экономической теории в процессах социального конструирования и культурно-цивилизационного прогнозирования, которое в полной мере проявилось в самом конце XX в., усилилась необходимость вновь обратиться к таким казалось бы традиционным методологическим проблемам, как: объект и предмет экономической теории, ее эмпирический и теоретический уровни, соотношение фактов и «фикций», т.е. продуктов творческого конструирования, проблема проверяемости экономических выводов (верифицируемость и фальсифицируемость), прогностическая функция экономической теории. Повышенный интерес к методологическим вопросам экономической теории, который произошел в конце XX столетия, отмечают многие исследователи, в частности, американский экономист Иэн М. Стюарт. При этом он обращает внимание на тот факт, что такие традиционные темы, как:

- «1. Какова природа теории в экономической науке?
2. Что экономисты могут знать о реальности?
3. В какой степени экономисты могут предсказывать будущее?»¹ все еще остаются главными темами современной экономической методологии.

Этот факт говорит не столько о неизменности исследовательских интересов философов науки, сколько о сложности, трудно поддающейся логической экспликации самого предмета рассмотрения. Ведь методологический анализ этих и других проблем направлен на выявление специфики экономического знания в сравнении его как с естествознанием, так и с другими науками об обществе, между которыми, как теперь принято говорить, существует лишь «скользящая граница», а не четко определенная грань.

Однако обратиться к методологическим экспликациям экономической науки нас заставляет, прежде всего, следующая задача. — выявить гносеологические основания экономической теории, которые позволяют ей претендовать на конструктивную роль в самых разнообразных процессах современного социального развития.

Объект, предмет и метод экономической науки

Анализ развития экономической науки показывает, что можно заметить смену парадигм — появление, наряду с исходной натуралистической исследовательской программой (социальной физикой и социальной механикой), антинатуралистических программ (культурцентристской, холистской и историко-антропологической)².

Однако различие парадигм или исследовательских программ ставит вопрос об объекте и предмете экономической науки, которые в этом случае становятся продуктами ее метода. На вопрос о том, а что же такое реальная экономика, которую изучает экономическая наука, в разных исследовательских программах возникают разные ответы. Адам Смит, явно действуя в естественнонаучной парадигме или социальной физике, воспринимает экономику как ту часть хозяйственной жизни, которая имеет объективный и квазинатуралистический характер, что позволило позже применить к ней методы, похожие на методы физики как наиболее развитой в ту пору сферы естествознания. Такой частью хозяйственной жизни является саморегулирующийся рынок, который Смит анализировал с опорой на парадигму Ньютона. Если же рассматривать историко-антропологическую парадигму Ф. Броделя, то для него экономика — это и хозяйственная жизнь, с кругом повседневных хозяйственных забот, составляющая ее гумусный слой, и рыночные отношения обмена, и сфера государственных монополий, которую, кстати, он считает собственно капиталистической экономикой в узком смысле слова.

Получается, что *экономическая реальность не дана как самоочевидность, вопреки определению объекта науки как реальности, существующей независимо от нас*. Это положение в полной мере может быть отнесено и к социальной реаль-

ности, изучаемой другими науками об обществе, например, социологией. В теории познания ключ к пониманию этой ситуации лежит в разделении объекта и предмета науки. Однако при всей видимой тривиальности этого разделения, оно гораздо сложнее, чем это представляется на первый взгляд.

Хрестоматийное требование — обозначить объект и предмет экономической науки — предполагает, что объект есть некоторая часть объективной реальности, противостоящая субъекту познания и его практике, которая от него не зависит. Объект попадает в поле зрения субъекта познания, будучи обнаружен в ощущениях субъекта, но главным образом он «вырезается» из объективной реальности предметно-практической и опытно-экспериментальной деятельностью субъекта. К гносеологическому анализу этой познавательной ситуации можно подойти, используя классическую или неклассическую теорию познания.

В классической концепции истины объект и предмет познания не различаются принципиально или же полагаются подобными. Предполагается, что, во-первых, объект познания существует вне и независимо от субъекта, во-вторых, результат познания определяется только свойствами самого объекта, а все субъективные «привнесения» должны быть устранены из этого результата. Таким образом, получаемые научные истины трактуются наподобие слепков с объективной реальности в голове субъекта, субъект познания играет при этом пассивную роль и сознательно стремится лишь устранить все, что «искажает» процесс чистого отражения, все то, что еще Ф. Бэкон называл идолами. Заметим, что на ранних этапах становления новоевропейской науки *познавательный процесс*, т.е. деятельность, направленная на объект, имеющая целью сделать его частью субъективной реальности ученого, понимался близко к вещественному проникновению в сознание копий, слепков или эйдосов природного мира. Процесс познания представлялся наподобие потока чувственных данных или данных опыта, перетекающих по сенсорным каналам субъекта и наполняющих его сознание разнообразными формами материального мира. Доминирующим познавательным отношением, характерным для такой модели познания, было *созерцание*. Анализируя реф-

лексию познавательных установок начального периода развития науки, И.Т. Касавин приходит к следующему выводу: «Универсальный опыт Бога, теоретически воссоздать который стремилась нововременная наука, сам рассматривался, в сущности, как универсальное условие всякого опыта вообще, что и воспроизвел в своем учении Кант. Этот опыт полагался существенной чертой науки, взирающей на свой объект бесстрастно, воспроизводящий его как он есть сам по себе, безотносительно к условиям и позиции наблюдателя»³. А это значит, что первоначально познавательный процесс и его конечный результат не отделялись друг от друга и не рассматривались независимо друг от друга. Это обстоятельство во многом было обусловлено культурно-историческими условиями, в которых зарождалась наука и которые к настоящему времени достаточно подробно исследованы.

В неклассической и постнеклассической концепции истины отношение между объектом и предметом науки претерпевает серьезные изменения. Теперь предполагается, что ученый не имеет дела с объектом как таковым, а посредством ряда познавательных процедур превращает его в предмет познания. Предмет — это «вырезанная» для исследования и обработанная или сконструированная наукой часть объекта. Один и тот же объект может превратиться в предметы исследования разных наук⁴. Но даже для одной науки, для экономики, в зависимости от исследовательской программы, один и тот же объект предстанет различными предметными областями исследований.

Если считать, что объектом исследования экономической науки является реальная хозяйственно-экономическая деятельность общества, то получается, что при смене парадигм экономической науки в этой разнообразной деятельности вычлениются различные объекты. Одним из таких объектов может быть рынок, стремящийся к равновесию между спросом и предложением, другим — комплексно взятые уровни хозяйственной деятельности, как мы уже это видели в парадигме Броделя. Экономическая наука в таком случае предстает как бы наукой о разных объектах. *В действительности же, изменение парадигм — есть лишь способ различного теоретического конструирования, абстрактного*

концептуального выделения предмета исследования для экономической науки из объекта, которым для экономической науки в целом является реальная многообразная хозяйственно-экономическая жизнь общественного организма.

Непонимание этой особенности современного научного познания сказывается не только при построении экономических теорий, но и при попытке их онтологизации или, как говорят иначе, гипостазировании теоретических конструкций: *нередко бывает, что онтология оказывается предзаданной гносеологическими и онтологическими предпосылками теории, а не раскрывается в следствие научного исследования.*

Рассматривая эти сложности в отношении предмета и метода экономической науки, Л. фон Мизес отмечал, что *существует привычка путать экономическую теорию и экономическую историю. Экономическая история предполагает деятельность, аналогичную историческому познанию в целом. Она направлена на изучение фактов, их изменения и взаимодействия. Что касается экономической теории, «она является ветвью праксеологии, априорной теории человеческого действия»⁵. Здесь экономист действует на уровне теоретического мышления, аналогичного логическому или математическому. И этот уровень, согласно Мизесу, не может быть основан только на наблюдении. Он критикует Дж.М. Кейнса, полагавшего, что даже дедуктивные теории основаны на эмпирическом наблюдении. Мизес считает это утверждение заблуждением. Экономические исследования, которые построены на изучении и наблюдении эмпирических фактов, он всецело относит к разделу экономической истории.*

Для экономической теории он считает абсурдным предположение об изучении фактов, а также превращение некоторых конструкций в факт. Примером такого превращения является гипостазирование «экономического человека» как рационального эгоиста из понятийного арсенала экономической науки в реального агента экономических отношений. Человек в экономике, по мнению Мизеса, не ведет себя всегда рационально. Тем не менее, многообразие его мотивов не может быть учтено теорией. Теория должна принять во внимание один единственный факт, состоящий в том, что

«всякое действие неизменно направляется одним мотивом — стремлением достичь ситуации, которая устраивает агента больше, чем исходная, существующая до его действия»⁶. Принято считать, что экономика анализирует, в частности, поведение фирм и других крупных хозяйствующих субъектов. Но знание природы бизнеса не является гарантом получения правильных выводов в экономической теории, так как, во-первых, экономика не сводится к бизнесу, а изучает все типы рыночных явлений, и, во-вторых, *экономиста интересуют процессы, относящиеся к жизни каждого человека, а не только отдельных агентов экономических отношений*. Тем не менее, «экономист... может успешно трудиться за письменным столом, как это делают логики и математики. Его отличает не особая возможность изучать факты, доступные лишь посвященным, а иной взгляд на мир, позволяющий обнаружить такие аспекты явлений, которые не в состоянии увидеть другие. Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, — худший враг ясного логического мышления»⁷. Худший, так как содержит весьма коварный порочный круг — объект теоретического исследования возникает как следствие онтологических предпосылок теории, чтобы впоследствии торжественно гипостазироваться как результат ее теоретических открытий. Здесь, на мой взгляд, и пропущено различие объекта и предмета познания. Ибо то, что выше истолковывалось как распад экономической науки на не связанные между собой дисциплины при различии исследовательских программ, ориентирующих на изучение якобы разных объектов, является на самом деле конструированием разных предметов экономической науки, сформированных из такого общего для них объекта, как хозяйственно-экономическая деятельность людей. Плюрализм позиций при этом расширяет широту охвата объекта познания и всесторонность его рассмотрения.

Мизес — сторонник методологического индивидуализма, позиции, которая только в деятельности отдельных индивидов, а не коллективов, не обществ, не наций находит источник для теоретических рассуждений. Его точка зрения была во многом обусловлена неприятием фашизма и соци-

ализма. Он считал, что идеи, разделяемые отдельными людьми, определяют их принадлежность к группе, а не наоборот, ибо группа действует не по собственной воле, а по воле входящих в нее индивидов. *Индивид, по его мнению, и есть онтологическая предпосылка экономической теории, положения которой не должны далее гипотезироваться как реальность.* Однако и у Мизеса объект познания экономической науки эксплицируется как хозяйственная жизнь людей, причем всех людей, а не только специализированных агентов бизнеса или рыночных отношений.

Цитированная статья Мизеса написана в 1962 г., с тех пор некоторые его методологические выводы приняты одними, отрицаются другими и оспариваются третьими. Однако проблема онтологизации или гипотезирования экономической теории осталась одной из самых неразработанных в методологии.

Факты и теоретические конструкторы экономической науки

Методологию экономической науки всегда интересовало соотношение между экономическими теориями, экономическими фактами и реальным миром. Эта проблема была также связана с задачей определения достоверности полученных результатов и нашей способностью на их основе продвигать исследования и увеличивать эффективность экономической науки в сфере предсказания явлений реальной экономики.

Многогранность и сложность решения проблемы соотношения теоретических конструкторов и экономических фактов на деле приводит к появлению ряда альтернативных методологических позиций. Приведем некоторые из них.

Редактор книги «Факт и фикция в экономической науке. Модели, реализм и социальное конструирование», профессор философии университета Эразма в Роттердаме У. Маки, приходит к выводу, что экономика — «мрачная королева социальных наук». Свою необычную характеристику экономической науки он связывает со следующими факторами: 1) стремлением экономистов отбросить из своего интеллектуального инструментария не нравящиеся им идеи; 2) убеждением, что экономическая необходимость руково-

дит социальной жизнью и следующее отсюда «бессердечное отношение» экономики к человеческим страданиям; 3) завышенная оценка роли денег и рынка, слепая к социальным нормам. Отсюда следует, по его мнению, непонимание экономикой основных фактов экономической реальности, ведущее к неспособности предсказать кризисы и экономическую динамику на теоретическом уровне.

Однако не все согласны с подобным определением статуса этой «королевы наук», и многие по-прежнему возлагают на нее наибольшие надежды по поводу ее способности отразить интересы реального мира, дать информацию об экономической реальности⁸.

Здесь проглядывает рассмотренная выше дилемма Мизеса: экономическая история — экономическая теория. Экономические историки в этом определении всегда теряли абстрактные принципы, а экономические теоретики — реальность фактов.

Продолжающиеся дебаты о кризисе экономической науки почти единодушно характеризуют его как кризис отношений между теорией и реальностью, а так же как конфронтацию в понимании задач и возможностей экономической теории, ее взаимосвязи с фактами, способности экономической теории быть верифицированной. На первый взгляд, эти альтернативы разделяют методологов на два лагеря. В одном из них находятся все те, кого Мизес называл *экономическими историками*, т.е. сторонники эмпирических исследований, полагающие, что экономическая реальность связана с обнаруживаемыми фактами. Они видят цель исследования в предсказании хода экономического развития, а нередко и его преобразования, которые рассматривают теорию как инструмент этого предсказания или преобразования и усматривают в точности предсказания процедуру верификации теории.

На другой стороне находятся *экономические теоретики*, которые нередко создают дедуктивные формализованные построения, не являющиеся, по их мнению, инструментом непосредственного предсказания экономических событий. Они не претендуют на реальное участие в усовершенствовании экономики, не ищут истину, автономию которой

они защищают, подобно тому, как некоторые этики защищают автономию морали, они не добиваются немедленной верификации своих формализмов. С точки зрения последних, формализация и математизация экономической теории не ведет к социальной инженерии в самом экономическом процессе, подобно тому, как это часто происходит в естественных и в технических науках. По их мнению, не существует аналогии между экономической наукой и естествознанием. Как отмечал Мизес, «позицию экономиста по отношению к объекту его исследований можно сравнить не с отношением авторов технической литературы к инженерам и рабочим, а скорее с отношением биолога ко всем живым существам – включая людей, – чьи жизненные функции он пытается описывать»⁹.

Не инструментальный, не утилитарный характер методологии экономической науки, а отсюда и самой экономической теории в качестве метода, подчеркивает известный английский экономист и методолог науки М. Блауг. Он пишет: «...когда я употребляю термин “экономическая методология”, я веду речь не о методах и технике экономических исследований, а о методологии в непосредственном смысле слова: об изучении принципов, регулярно применяемых при формулировке и обосновании экономических теорий. Фундаментальные методологические принципы могут быть легко усвоены и, усвоив их, мы неизбежно повысим нашу способность оценивать и сравнивать конкурирующие экономические теории»¹⁰.

Блауг дает более детальную типологию методологических расхождений по названным пунктам, которые не столь прямо предстают как альтернативные, а создают некий веер *расходящихся точек зрения*.

Он показывает существенную роль традиции конвенционализма, обновленным примером которого становится для него позиция известного экономиста М. Фридмана. Последний утверждает:

– методология экономической науки носит инструментальный характер;

– научные теории являются инструментами прогнозирования, а не способом выявления причинно-следственных

связей, что соответствовало бы, по его мнению, наивно-реалистическим позициям;

— экономические построения не основываются на реалистических предпосылках, достаточно сказать «как будто»;

— экономические теории это не верифицируемые и не фальсифицируемые свободные творения разума¹¹.

Блауг останавливается и на других вариантах неоконвенционализма, менее радикальных, чем у Фридмана, но достаточно отличающихся от его позиции. Позицию всех разновидностей конвенционализма он называет оборонительной, направленной на защиту науки от критики. Блауг анализирует позицию близкого к неоконвенционализму П. Самуэльсона, который, однако, требует операциональной содержательности экономических теорий. Его взгляды близки к теории фальсификационизма К. Поппера. Сходных с ним идей придерживается Т. Хатчинсон. Согласно его взглядам, теория не может быть априористской. Самуэльсон и Хатчинсон отрицают идею Мизеса и Фридмана относительно свободы теорий от способности быть подтвержденными или опровергнутыми.

Блауг детально исследует оттенки и вариации других направлений, останавливаясь, в конечном счете, на институционализме. Он согласен, что методология последнего — это «рассказывание историй», в которой очевидно проявляется направление экономической истории, о котором писал Мизес. Блауг пишет: «Возможно, экономические проблемы настолько сложны, что «рассказывание историй» — лучшее, что мы можем делать. Но даже если это так, то кажется странным, почему мы должны пропагандировать эту безопасную методологию и считать предосудительным применение более рискованной методологии фальсификационизма. Несомненно, чем больше фальсификационизма, тем лучше»¹². Таким образом, дилемма Мизеса об экономической истории и экономической теории упорно воспроизводится в методологии экономической науки.

Блауг ссылается на появившееся в методологии различие между моделями и теориями, которое стало популярным и разрушающим эту альтернативу.

Многие считают модели нефальсифицируемыми, т.е. не опровергаемыми (своего рода истинами факта, добытыми

истинами. — В.К.), теории же — фальсифицируемыми. Фальсифицируемость — это проверка на статус научности теории. Если можно предположить некие факты, способные опровергнуть теорию, значит, она может быть научной. В отличие от философских утверждений или повседневных суждений, носящих характер убеждений, принципиально не опровергаемых фактами и, если изменяемых, то по правилам ценностных изменений, фальсификационизм осуществляет демаркацию науки от этих систем.

Действительно, это достаточно нетривиальный шаг. Посмотрим, снимает ли он коренную антиномию экономической науки — ориентацию либо на факт, либо на теоретическую фикцию.

Модели, теории и институты

Принято считать, что быть экономистом — это строить экономические модели, утверждает упомянутый выше У. Маки. Часто это требование достаточно жестко: под моделью в экономике понимается экономическая модель. Моделью обычно называют аналог, схему, знаковую структуру, замещающую определенный фрагмент реальности, являющийся оригиналом модели. Промоделированные свойства оригинала расширяют знания о нем. Модель может быть математической, т.е. описывать оригинал в виде системы уравнений. Модель может быть в большей или меньшей мере адекватна реальному миру.

Маки задается вопросом, как определить истинность или ложность модели. Ответ состоит в том, что модель строится посредством деятельности, ориентированной на факты. Хорошая модель является приемлемым упрощением реальных зависимостей, позволяющим понять их сущность. Она призвана соединить абстрактное и конкретное. Среди реалистов, т.е. людей, ищущих истину как отображение объективных процессов, бытует мнение, что «модели дают истинную репрезентацию экономической реальности»¹³. Более того, модель отображает вариацию реальных факторов и их динамику. Модель тем лучше, чем более она адекватна фактам. Она может быть применена в реальной экономике и давать, тем самым, позитивный

эффект. Она также чувствительна к повседневным представлениям.

Если попытаться дать определение модели, оно будет состоять в том, что модель — это идеализированное и динамическое отображение реальных сторон экономического процесса и факторов, воздействующих на его изменение, т.е. она является своего рода эмпирическим обобщением. Такое понимание модели, по мнению К. Гувера, ведет к противоречию между более точными, более надежными и представленными в малом масштабе параметрами модели и менее точным, менее надежным и более пространственными параметрами теории. Теории — это слишком широко представленные модели, которые раскрывают базовые потенции процесса. Экономические теории чаще более конкретны (в отличие от политико-экономических. — В.К.), в них обсуждаются более конкретные проблемы и общим суждениям часто предшествуют модели¹⁴. Модель включает и «рассказывание историй», то, что Мизес относил к экономической истории, а не теории. Она тем самым является посредствующим звеном, соединяющим экономическую историю и экономическую теорию. *Модель не обязательно истинна, но она стремится отразить объективность и подлинность реальных связей.* По крайней мере, она защищает реалистический базис теорий, даже когда невольно включает неправильные предположения¹⁵.

Введение моделей как посредников между реальностью фактов и теорией резко увеличивает число сторонников «реалистического» истолкования теории. Как писал французский экономист М. Алле, «любая наука опирается на модели, а всякая научная модель содержит в себе три различные стадии: формулировку исходных гипотез; вывод из этих гипотез всех следствий; сопоставление следствия с данными наблюдения. Теория, гипотезы и следствия которой не могут быть сопоставлены с реальностью, не представляет никакого научного интереса. Сама по себе логическая дедукция, будь она даже математической, если она тесно не связана с изучением реальности, не имеет какой-либо ценности в плане понимания этой реальности»¹⁶. Как видим, и у этого экономиста модель есть посред-

ник между экономической реальностью и экономической теорией.

Можно даже предположить, что моделям в этом смысле присущи особенности теорий среднего уровня — специализированных, часто отраслевых теорий экономической науки в отличие от ее общих теорий и абстрактных теорий политэкономии.

Экономическая наука гораздо больше работает с моделями, чем социология и другие науки об обществе. Частоту использования моделей можно сравнить, пожалуй, лишь с математической лингвистикой. Модельное рассмотрение более характерно для естествознания, физики, и применение моделей в экономическом знании обусловлено тем, что, во-первых, здесь есть измеримые взаимосвязанные понятия, такие, как спрос и предложение, издержки и прибыль, занятость и безработица, доход и распределение, рост и цикличность, мотивация и потребление и пр. Во-вторых, моделируются квазиприродные зависимости экономики, в которых натуралистические программы исследования имеют оправдание, отмечая определенную сводимость или, по крайней мере, сходство процессов в экономике с природными явлениями, описываемыми механикой и математикой, становящимися в экономике примерами социальной механики или социальной математики. Натуралистические исследовательские программы в социологии редко сталкиваются со столь квазиприродными социальными образованиями и столь очевидной дифференциацией социальных подсистем на количественно исчисляемые.

Вместе с тем, все те, кто считает, что теория в экономике подтверждается данными опыта и без этого не может выполнить ни предсказательной, ни объяснительной функции, ни установить причинно-следственные связи, безусловно также опираются на модели.

Наращение уровня абстракции характерно для науки в целом. Переход от модели к теории рассматривается как опора на выявление квазиприродных фактов.

Однако экономические теории опираются не только на модели. В любом случае они есть изобретения ума, и поэтому содержат своего рода фикции, продукты интеллектуаль-

ной игры. Имеющиеся модели не препятствуют теоретической фантазии и поискам более долговременных связей и закономерностей в экономике, ее перспектив и ретроспектив. Теории строятся экономистами на более широкой социальной и теоретической базе, под влиянием философии науки, социальной философии, политико-экономических представлений, в зависимости от предпочитаемых исследовательских программ и характеризуют абстракции более высокого порядка в сравнении с моделями и менее высокого уровня, в сравнении с предельными абстракциями философских теорий. Как и в других социальных науках, например, в социологии, их обычно причисляют, как я уже отметил, к теориям среднего уровня. Обычно из этих теорий эксплицируются некоторые антропологические предпосылки или модели человека, которые могут быть следствием методологической редукции, доводимой до отологической редукции человека, например, «экономического человека», так и редукций, которые не онтологизируются и не ведут к отказу от представлений о полноте человеческого бытия, сохраняя функции полезного метода¹⁷.

При создании теорий экономисты явно или неявно опираются на различные гносеологические и онтологические предпосылки. Мы уже видели среди них, например, «индивид» Мизеса и «истинный индивидуалист» Ф. Хайека, коллективизм и кооперация Р. Туомелы и В. Балзера¹⁸, реализм Алле, равно как конвенционализм и антифальсификационизм Фридмана и фальсификационизм Блауга. Исследовательские программы в экономике, как и в других науках, вырастают на пересечении философских принципов, наиболее абстрактных теорий дисциплины и предметно ориентированных походов.

Экономическая онтология может частично базироваться на моделях, как отмечает Маки, но она также может выстраиваться с использованием данных других социальных наук, на социальном опыте экономических агентов, на религиозных убеждениях и философских категориях. Экономическая онтология часто базируется и на генерализованных онтологиях. Однако в целом экономическая онтология представляется ему не столько продуктом генерализован-

ных онтологий, сколько все же совокупностью моделей, используемых экономистами в своих рассуждениях. Но и в первом, и во втором случае экономическая онтология имеет решающее значение: «экономисты вдохновляются тем, чтобы найти более адекватную технику и построить модели, которые лучше соответствуют их представлениям о конструируемой ими экономической реальности»¹⁹.

Многие экономисты не имеют таких взглядов на экономическую онтологию или, как говорил Й. Шумпетер, «видения», хотя именно «видение» многие экономисты и считают онтологией. «Экономический человек» становится онтологией тогда, когда «черный ящик» экономики оказывается пустым от всего, кроме факта и теоретической фикции. Быть экономическим — это черта человека, направленная на защиту своих экономических стремлений, на защиту своего виртуального самоуважения²⁰.

Социальное конструирование реальности создает многообразные онтологии экономики, выступающие как видение, предпосланное созданию теорий.

Но помимо фактичности моделей и мировоззренчески окрашенных онтологических предпосылок теории, есть экономические и социальные институты, многократно униженные цитируемыми в этой статье экономистами как то, что ведет к «рассказыванию историй». Однако институционализм в экономике растет, и причина этого роста состоит в том, что натуралистическая ориентация на модели и реалистические теории не решает многих проблем экономики, связанных с ее социальной ролью и функционированием в обществе. Институты — это, прежде всего, правила и нормы, общие коллективные представления, стандарты научности и пр. Реальность, которую так упорно хотят сберечь в моделях, не представлена только в фактах, ее другой стороной является ценностно-нормативный мир институтов. В частности, общество институционализирует цели экономической теории, не давая ей возможности быть чистой игрой ума, а ставя перед ней цели предсказания и улучшения общества и экономического положения людей. Да, они не действуют, как математические формулы для инженеров, но участвуют в формах социального конструирования реаль-

ности. Эта позиция не является антиреалистической, если принять цели и ценности людей за часть изучаемой экономистами реальности. С этим, разумеется, никак не мог бы согласиться радикальный реалист Алле, для которого экономическая реальность есть реальность факта. Этой гипотезе мы находим немедленное подтверждение: «Предметом экономической науки не может быть определение целей, которые общество должно ставить перед собой. В любом обществе встают вопросы, связанные с целеполаганием, но определение целей не входит в сферу интересов экономической науки; впрочем, оно вообще не входит в сферу науки»²¹.

Однако это не так для антинатуралистически ориентированных исследовательских программ экономической науки, поставленная обществом задача роста экономики может стать целью экономической науки, равно как задача обеспечения более справедливого распределения. Социальное конструирование реальности, социальная инженерия базируется на намерении что-то изменить.

Не меньшее место занимают ценности как феномен реального познавательного процесса. По мнению Д. Мак Клоски, социальным наукам и философии никогда не удастся избежать не просто ценностей, но даже риторики. Знание социально конструируется и начало такого конструирования связано с нахождением общих стандартов или ценностей. Хотя все мы устремлены к реальным ситуациям, однако есть также этический реализм, имеющий колоссальное значение для эпистемологии как коллективного творчества²². Согласно этическому реализму, мы не можем со всей очевидностью утверждать, что то, что мы Знаем — есть знание об Объективном Мире. Напротив, материальный реализм не только принимает, как очевидное, связь между окончательной гносеологией и онтологией, более того материальный реалист исходит из *этического* предположения, что *плохо* не быть материальным реалистом и не видеть эту связь²³. И этим он убедительно показывает, что познание человеческих сообществ отличается от познания природы.

Модели, теории и институты в экономике взаимосвязаны. Такой подход не дает прерогативы натурализму, а все

более усиливает значимость антинатуралистических методов исследования в экономической реальности.

Примечания

- ¹ *Стюарт И.М.* Роль методолога // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2 т.: Т. 1. – СПб., 2002. – С. 9.
- ² См.: *Колпаков В.А.* Философия науки и методология экономического знания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. – С. 133 – 148.
- ³ *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. – М., 1999. – С. 66.
- ⁴ См.: *Косарева Л.М.* Предмет науки. Социально-философский аспект проблемы. – М., 1977.
- ⁵ *Мизес Л.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // Thesis. Научный метод. 1994. № 4. – С. 205.
- ⁶ Там же. – С. 208.
- ⁷ Там же. – С. 209.
- ⁸ См.: *Maki U.* Introduction // Fact and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Conversation / Ed. by U. Maki. – Cambridge, 2002. – P. 3 – 5.
- ⁹ *Мизес Л.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки. – С. 208.
- ¹⁰ *Блауг М.* Несложный урок экономической методологии // Thesis. Научный метод. 1994. № 4. – С. 53.
- ¹¹ Там же. – С. 53 – 54.
- ¹² Там же. – С. 68.
- ¹³ *U. Maki.* Introduction // Fact and Fiction in Economics. Models, Realism and Social Conversation. – P. 11.
- ¹⁴ См.: *Hoover K. D.* Economics and Reality // Ibid. – P. 137 – 150.
- ¹⁵ См.: *Niniluoto I.* Truthlikeness and Economic Theories // Ibid. – P. 214 – 230.
- ¹⁶ См.: *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // Thesis. Научный метод. 1994. № 4. – С. 11.
- ¹⁷ См.: *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии. 2007. № 9.
- ¹⁸ См.: *Tuomela R., Balzer W.* Collective Acceptance and Collective Attitude: on the Social Construction of Social Reality // Fact and Fiction in Economics. – P. 269 – 284.
- ¹⁹ *U. Maki.* Introduction. – P. 17.
- ²⁰ См.: *Pettit Ph.* Rational Choice, Functional Selection, and «Empty Black Boxes» // Fact and Fiction in Economics. – P. 231 – 256.
- ²¹ *Алле М.* Современная экономическая наука и факты. – С. 17.
- ²² См.: *McCloskey D.N.* You Shouldn't Want a Realism if You Have a Rethoric // Fact and Fiction in Economics. – P. 329 – 340.
- ²³ Ibid. – P. 336, 337.